

Очерки истории Киргизской Духовной Миссии¹

Разум сомневается в истине Промысла Божия, невзирая на великое множество доказательств Писания, что «Бог управляет миром»... Бог промышляет о целых государствах и отдельно о каждом человеке!

*Митрополит Иосиф (Чернов)*²

В 1828 году для просвещения коренного населения Сибири светом Христовой истины Святейший Синод учредил специальную миссию в составе Тобольской епархии и обратился к миссионерам с призывом добровольно отправиться на восточные рубежи России. На этот призыв откликнулся архимандрит Макарий (Глухарев)³, подвизавшийся в то время в Глинской пустыни. Узнав о необходимости в миссионерах, он вызвался ехать на миссионерское служение в Сибирь. В своей работе «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры...» архимандрит Макарий писал: «Поелику Христианская Церковь в России есть Церковь Апостольская, то сделаться и явиться таковою есть священный долг и венец чести, который ей принадлежит»⁴.

В Тобольск архимандрит Макарий прибыл 30 сентября 1829 года. Архиепископ Тобольский Евгений (Казанцев), старый друг митрополита Московского Филарета (Дроздова; † 1867), предполагал организовать две миссии: на севере — для остяков (современные ханты)

¹ Статья подготовлена автором на основе своей дипломной работы по завершении курса обучения в НСМПБИ (2007 г.).

² *Иосиф (Чернов), митрополит Алма-Атинский и Казахстанский*. Свет радости в мире печали. — М.: Паломник, 2003.

³ Преподобный Макарий (Глухарев; 1792—1847) — в 1984 г. прославлен в Соборе Сибирских святых, на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 г. причислен к лику святых.

⁴ Свет Христов просвещает всех! Сборник / Сост., вступит. статья и примечания протоиерея Бориса Пивоварова. — Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2000. С. 168.

и вогулов (манси) и на юге — для киргизов¹, калмыков и телеутов Алтая, а также черновых татар (старое название северных групп народов Алтая).

Слабость здоровья для севера и предварительное знакомство с языками тюркской группы побудили архимандрита Макария выбрать юг, точнее Киргизские степи (современный Казахстан). Но в Киргизские степи власти (в лице генерал-губернатора Западной Сибири И.А.Вельяминова) отца Макария не пустили на основании правительственного указа, запрещающего там какую бы то ни было христианскую проповедь. Так окончательным местом миссионерского служения для архимандрита Макария определился Алтай, где в 1830 году им была основана Алтайская Духовная Миссия (АДМ) для православного просвещения народов Алтая и Горной Шории.

Наряду с алтайцами и тувинцами территория Южного Алтая заселялась и казахами, которые в 1860—1870-х годах переселялись сюда из долины Бухтармы.

На территории Алтая казахи жили в Чуйской степи, в долине р. Чуи, арендуя земли у местного населения.

В 1866 году группа казахов обосновалась в Черно-Ануйском стане Алтайской Духовной Миссии. Они приняли Православие и осели в селах Черный Ануй и Тадрала. Местные алтайцы с неудовольствием приняли пришельцев и пытались с помощью суда выдворить их. Только заступничество Миссии предотвратило выселение казахов из Алтая. В 1891 году казахи, уже прочно осевшие на новом месте, просили российские власти образовать для них отдельную административную управу по образцу управ для прочих народов Алтая. Хозяйственные же вопросы решались в селах на совместных сходах двух общин. В конце XIX века крещеные казахи нашли свое место в поселениях Горного Алтая в качестве ямщиков (пос. Келей и другие).

¹ Киргизами до революции называли нынешних казахов. Как известно, казахи как этнос появились после монголо-татарского нашествия. Генеалогическое древо тюрков (предков казахов) восходит к патриарху Тюрку, сыну Иафета, внуку Ноя. Непосредственными предками казахов были тюрки-куманы, в различных источниках называемые также киманами или кипчаками. Внешне они ничем не отличались от современных им славян. На Руси кипчаков прозвали половцами за светлую окраску волос, цвета овсяной половы. Чтобы понять, каким же образом половцы преобразовались в казахский этнос, надо принять во внимание, что другой их генеалогический корень — монгольский народ керaitы. До кипчаков это были эфталиты, еще ранее — народ хунну.

Постепенно деятельность Алтайской миссии распространилась и на другие казахские поселения Алтая. В 1871 году в месте компактного проживания алтайских казахов был основан Кош-Агачский миссионерский стан.

В конце XVIII — начале XIX вв. политика Российского государства по отношению к казахскому народу содействовала добровольному принятию отдельными его представителями православной веры, носившему порой не только семейный характер¹. Сохранились целый ряд архивных материалов: «Дело о переходе казахов Карасуйской

¹ Распространение христианства на территории нынешнего Казахстана тесно связано с политической и культурной историей народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока. Здесь важную роль играл Великий шелковый путь, северное направление которого переместилось в VI—VII вв. на территорию Южного Казахстана, Семиречья, где находились центры Западно-Тюркской империи, происходило бурное формирование и развитие городов Отрар, Тараз, Навакент, Испиджаб. На всем протяжении этого пути неизменно встречаются памятники сирийской христианской письменности. Наиболее ранним считается сообщение о христианах Мерва (территория современного Туркменистана), где в начале IV в. создается епископство, упоминаемое в источниках 334 г. В начале V в. это уже митрополия, существуют не только православные храмы и монастыри, но и различные секты. Именно отсюда, из Мерва, в VII—VIII вв. распространилось в города Южного Казахстана и Семиречья несторианство.

В X—XII вв. миссионерское движение шло с двух сторон: из Руси и из Византии. По свидетельствам русских летописей, в 1132 г. в Рязани и в 1168 г. в Киеве крестились половецкие князья Амурат и Айдар. Один из крупнейших половецких ханов, сын знаменитого Кончака, принял даже православное имя Юрий. Ибн Батута сообщал: «В этой степи, которая принадлежит народу под именем кыпчак, они христианской веры».

В конце XII — начале XIII вв. кимако-кипчакское государство было разгромлено монголами. Первый удар был нанесен в 1218 г. по Семиречью. В 1236 г. войны Батые разграбили земли камских булгар и мордвы, а затем двинулись на русские земли. Начало освобождению от монголо-татарского ига народов Европы и Азии положила Куликовская битва 1380 г. К этому времени на территории казахских степей определились три хозяйственно-географических района, называемых жузами: Большой, Средний и Малый, — которые составлял один народ — киргизы (что значит «степные люди»), или «казаки» (казахи).

С сер. XVI в. активизируются дипломатические отношения с Россией. Петр I указывал, что Великий, Средний и Малый жузы — ключ и ворота к развитию торговли России на Востоке. А в начале XVIII в. начался активный процесс присоединения казахских жузов к России, ускоряемый нашествием на казахскую землю джунгар в XVII—XVIII вв. и политической дестабилизацией в стране на фоне частых междоусобных конфликтов малых ханств. Добровольное присоединение Казахстана к России начинается собой пору расцвета Православия в казахской степи.

волости с магометанского вероисповедания в православное в 1824 г.»; «Дело о принятии женой казаха Атагольской волости Боная православия в 1825 г.»; «Дело о переходе казахов Атагаевской волости Тюменского округа Акума, Бугалых и казашки Барсалла из магометанского вероисповедания в православие в 1884 г.» и тому подобные.

Поощрением и поддержкой православных казахов со стороны российских властей явилось причисление их, по их согласию, к мещанскому и казачьему сословиям. Первый казахский ученый Ч. Валиханов писал об этом: «До 1861 года всех крещеных киргиз записывали в мещане и в казаки, вероятно, для того, чтобы удалить их от прежней среды и тем самым дать им возможность укрепиться на лоне новой веры. В некоторых казачьих станицах почти половина населения состоит из крещеных киргиз, например Ямышевской, Чистой и некоторых других». Мещане облагались меньшими налогами.

В оренбургских и уральских войсках служило немало казахов, принявших Православие и записавшихся в казаки. Это были крещеные казахи с русскими именами и фамилиями, которые сражались в составе русской армии в период Отечественной войны 1812 года. Участник войны с Наполеоном журналист С.И.Глинка писал: «Не только сыны России, но и народы, отличные языком, нравами, верой и образом жизни, народы кочующие, и те наравне с природными россиянами готовы были умереть за землю русскую». В этой войне принимали участие казахские джигиты Малого жуза. Они сражались в составе Тевтярского и Башкирского полков. А Оренбургским казачьим полком командовал крещеный казах Яков Беляев. Его полк отличился во многих сражениях с французскими войсками.

Благодаря плодотворной деятельности православных миссионеров, а также содействию различных светских и духовных лиц, для повышения образовательного уровня казахов в местах их проживания учреждались церковно-приходские школы: Верненская¹ двухклассная женская церковно-приходская школа (1894–1917 гг.), Лепсинское мужское двухклассное приходское училище Западно-Сибирского учебного округа (1885–1901 гг.), церковно-приходские школы в станице Каскеленской (откр. в 1903 г.), в г. Петро-Александровске, в г. Аулие-Ате, в г. Казалинске (откр. в 1899 г.), а также миссионерская школа в г. Сарканде (откр. в 1915 г.) и другие.

¹ Город Верный — ныне город Алматы, Республика Казахстан.

При поддержке Российского государства первые русские школы для казахских детей были устроены в городах Омске и Оренбурге. В 1870-е годы в Омске, Петропавловске и станице Ямышевской учреждались «гарнизонные школы». В г. Омске была открыта также Азиатская школа, которая выпускала переводчиков, писарей, землемеров и топографов. Известно о деятельности восьми аульных передвижных школ в Акмолинской области для обучения казахских детей русскому языку (1869–1917 гг.), об учреждении школ для казахских детей в форте Петровский (1853–1867 гг.), об устройстве священником в Капале школы русской грамоты для детей мусульман (1854–1918 гг.), об открытии в 1877 г. в Акмолинской области женских интернатов для обучения в них казахских девушек.

Первые станы Киргизского отделения Алтайской Духовной Миссии

В фондах Государственного архива Томской области (ГАТО) хранится «Дело об учреждении в Петропавловской крепости духовной миссии для обращения киргизов ко Святой Православной Церкви». Среди документов в нем есть письмо митрополита Новгородского Исидора (Никольского) к архиепископу Тобольскому Варлааму (Успенскому) от февраля 1864 г., в котором он сообщает о том, что некий Стефан Иванович Пшеничников, гражданин Екатеринбургa, подал ему докладную записку о возможности учреждения в г. Петропавловске миссии для обращения казахов. По словам Пшеничникова, «наклонность киргиз к христианству доказывается тем, что приехавшие в Петропавловск киргизы после обряда погружения в день Богоявления Христа на реке погружаются сами в воду, несмотря на 25–30-градусный мороз». Митрополит просил рассмотреть эту записку и по возможности решить вопрос положительно¹.

В 1880 году начальник Алтайской Духовной Миссии архимандрит Владимир (Петров)² объехал район Семипалатинска и доложил Святейшему Синоду о необходимости миссионерства среди казахов³.

¹ Софронов В.Ю., Савкина Е.Л. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской епархии. — Екатеринбург, 2002.

² Архимандрит Владимир (Петров; 1828–1897) — начальник Алтайской Духовной Миссии с 1865 по 1880 гг. в сане архимандрита, с 1880 по 1883 гг. — в сане епископа Бийского. Скончался 2 сентября 1897 г. в сане архиепископа Казанского.

³ Тульский М. Конфессиональный портрет Казахстана. Ч. 2. Конфессиональная палитра // Томские Епархиальные Ведомости. 1902. № 1. Миссионерский отдел. С. 1–2.

Алтайские миссионеры. 1880 г. Снимок к 50-летию Миссии. Под номером 9 — священник Филарет Синьковский

В 1882 году его ходатайство было удовлетворено. В середине 1882 г. Синод позволил открыть Киргизскую миссию как часть Алтайской Духовной Миссии. Миссионером был назначен священник Филарет Синьковский. В дальнейшем кроме него на миссионерском поприще среди казахов потрудились священник Ефрем Елисеев, протоиерей Стефан Борисов, священник Иоанн Никольский. Предполагалось, что Киргизское отделение АДМ первоначально будет действовать среди казахов в Семипалатинской и Усть-Каменогорской областях.

Для Киргизского отделения необходимо было найти пристанище или опорный пункт. Им стал г. Усть-Каменогорск, куда 10 октября 1882 года и прибыл из Черного Ануя священник-миссионер Филарет Синьковский.

Первому миссионеру Киргизского отделения АДМ много пришлось потрудиться за годы почти одинокого служения на окраине, среди диких кочевий, вдали от родных. Знакомясь с духовно-нравственным состоянием коренного населения, миссионер пришел к заключению, что проповедание слова Божия среди казахов вовсе не сопряжено с какой-либо опасностью, что казахи не чуждаются русского влияния и обладают хорошей способностью усваивать русский язык. Первым из казахов в Усть-Каменогорске принял Православие молодой человек, знакомый с мусульманской (арабско-татарской) грамотой, вполне знающий кроме своего родного еще и русский язык. Окончив курс в фельдшерской школе, он занял должность фельдшера при уездном враче. Насколько позволяло время, он приходил к миссионеру для подготовительных бесед ко крещению и в то же время сам обучал мусульманской грамоте сотрудника миссии. Этот казах был крещен 13 февраля (по юлианскому календарю) и в крещении был наречен Иоанном. 24 февраля, в день Крестителя Господня Иоанна, начальник АДМ получил от казахского миссионера следующее известие: «Сегодня (13 февраля) в Усть-Каменогорской церкви совершено мною святое крещение над первым киргизом Киргизской миссии с наречением ему имени Иоанн. Имя это еще из детства дано ему русскими, так как он чуть не с младенчества жил у русских, недалеко от Усть-Каменогорска в с. Красноярском. По облику своему и чистому русскому наречию новопросвещенный юноша — настоящий русский, а по вере во Христа, теплоте христианского чувства и по мыслям — он давно христианин. Давно он горел желанием быть христианином, но были причины, не от него зависящие, которые или затрудняли, или прямо делали невозможным исполнение его желания. И Бог вещь когда бы оно исполнилось, — замечает миссионер, — если бы мне в

Подпись священника Филарета Синьковского в конце Записок за 1886 г.

поезд мой через селение, где он жил, не пришлось по ошибке ночью вместо постоянного крестьянского двора попасть на казачий и здесь в беседе с казачьим учителем узнать об Иоанне и его безуспешных заботах о крещении»¹.

Таким образом, 13 февраля 1883 года началось фактическое бытие Киргизской миссии.

Совершая поездки по казачьим поселениям, расположенным по течению рек Нарыма, Бухтармы и Иртыша, отец Филарет прибыл в поселок Буконь, который по религиозному складу жителей, а также по близости казахских кочевий представлял собой наиболее подходящее место для стана. И в конце 1883 года в поселке Буконь был открыт первый постоянный стан Киргизского отделения АДМ.

В 1884 году трудами казахского миссионера и псаломщика при нем из алтайцев было крещено 24 инородца. В этом же году они переложили с алтайского на казахское наречие огласительное поучение².

В 1885 году в июле месяце Киргизское отделение посетил епископ Бийский Макарий (Невский)³, в чьем ведении находилось тогда отделение. За четверо суток пребывания в миссии Преосвященный побывал в г. Кокпекты и Буконь. Кокпектинская церковь во все дни пребывания Владыки не могла вместить всех прихожан.

¹ О миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской в 1882 году // Томские Епархиальные Ведомости. 1883. № 8. С. 222.

² Томские Епархиальные Ведомости. 1885. № 7. Неофициальный отдел. С. 3.

³ Епископ Макарий (Невский; 1835–1926), впоследствии — митрополит Московский и Коломенский. Прославлен в лике святых на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г.

Выдающиеся миссионеры Киргизского отделения Алтайской Духовной Миссии

С самого начала деятельности Киргизского отделения стало очевидно, что *«жатвы много, а делателей мало»*.

В Томскую епархию из Туркестанской был принят протоиерей Михаил Путинцев, отчасти знакомый с языком и бытом казахов, и определен на время в главный стан Алтайской миссии (в Улале) для подготовки к миссионерству в новоучрежденной Миссии. К сожалению, по многим причинам протоиерей Михаил Путинцев впоследствии не смог туда приехать: в сентябре он был отпущен из Алтайской миссии для поступления в Туркестанскую епархию. Вместо него в 1882 г. первым миссионером Киргизской миссии был назначен Черно-Ануйский миссионер **священник Филарет Синьковский**. В помощь ему был дан новокрещеный юноша **Алексей Холуев**, по происхождению казах, родившийся и первоначально учившийся в Черно-Ануйском училище и бывший некоторое время учителем начальных школ АДМ — Улалинской и Ануйской.

Личность отца Филарета заслуживает особого внимания. Он родился около 1847 г. в Таврической губернии. В 1867 году окончил Херсонскую Духовную Семинарию и 26 сентября того же года был возведен в сан иерея. 19 октября 1875 года отец Филарет был назначен миссионером в АДМ и определен к Черно-Ануйскому отделению¹. Как уже упоминалось, именно в этом районе жили перекочевавшие на Алтай казахи. Отец Филарет воспринял переселенцев всей широтой своей души. Именно благодаря его усилиям казахи не были выселены из Алтая, чего усиленно добивалось местное население. Поэтому, когда было образовано Киргизское отделение АДМ, отец Филарет, как человек, имеющий опыт общения с казахами, и как человек, которому казахи оказывали доверие, 10 апреля 1882 г.² был избран на должность миссионера этого отделения. Отец Филарет служил в Киргизской миссии, не изменяя заветам преподобного Макария (Глухарева). Много усилий он приложил к сближению русского и казахского народов. Им были переведены на казахский язык и напечатаны первоначальные сведения о православной вере для новокрещеных казахов. Он сам перевел на казахский язык и напечатал Евангелие от Матфея и

¹ *Тальберг М.* История Русской Церкви. — Jordanville; N.Y., 1959. С. 766. (Репр.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.)

² Церковный Вестник. 1891. № 29. С. 458.

некоторые молитвы. Его труды печатались в «Томских Епархиальных Ведомостях», а также в «Московских Церковных Ведомостях»¹.

12 июля 1890 года отец Филарет был пострижен в монашество с именем Владимир, а 21 ноября возведен в сан игумена и определен помощником начальника Алтайской и Киргизской миссий. В 1891 году был назначен начальником Алтайской и Киргизской миссий. 18 августа 1891 года хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. Хиротония состоялась в Санкт-Петербурге в Александро-Невской Лавре. С 3 июня 1893 года он стал епископом Владикавказским и Моздокским. С 12 августа 1904 года — епископом Кишиневским и Хотинским. С 16 сентября 1908 года — архиепископ Донской и Новочеркасский. 6 мая 1912 года награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

Замечательный проповедник, душой болеющий за свою паству, в храмах, в частных домах, под открытым небом — повсюду, где возможно, проповедовал он Евангельское благовестие. В частых миссионерских поездках по Осетии убедил сотни осетин, что женщины имеют право входить в храм, и склонил горцев к открытию женских школ. Чуткий и отзывчивый к каждой беде и нужде, он пользовался громадной любовью и уважением своей паствы.

Скончался в 1917 году на покое, будучи настоятелем Заиконоспасского монастыря в Москве.

Ввиду крайней необходимости усилить миссионерскую деятельность среди казахов, начальник АДМ епископ Бийский Макарий (Невский) в 1889 г. рукоположил во священника алтайца **Стефана Борисова**, окончившего курс в Казанской инородческой семинарии, — киргизского миссионера, бывшего сначала псаломщиком в Буконском стане, потом учителем Большенарымской казачьей школы. С согласия епархиального начальства он был назначен в Алтайскую станицу приходским священником Покровской церкви с возложением на него миссионерских обязанностей, так как Алтайская станица, как и Буконь, была окружена казахскими поселениями.

¹ «Жизнь святого вмч. Евстафия Плакиды»; «Первоначальные сведения о православной христианской вере, сообщаемые киргизу, приемлющему крещение»; «Записки алтайского миссионера Черно-Ануйского отделения священника Филарета Синьковского за 1876, 77, 78, 79, 80 и 81 годы»; «Записки миссионера Киргизской миссии»; «Три части вероучительной и правоучительной книги протоиерея Пospelова»; «Чин обращения магометан к Святой Церкви»; «Записки алтайского миссионера за 5 лет. 1886—1901 годы».

Управляющий Казанской инородческой семинарией Н.И.Ильминский предлагал по примеру прежних лет прислать в Казань для обучения казахских юношей и со своей стороны рекомендовал для этой цели учителя **Ивана Спиридонова**. До времени назначения его в Киргизское отделение Н.И.Ильминский поручил И.Спиридонову заняться переводом на казахский язык книг по Священной истории, молитвослова, воскресной службы 6-го гласа, Часослова и Пасхальной службы. На Алтае были очень обрадованы уведомлением Ильминского о назначении Спиридонова, потому что при киргизском миссионере переводчиком состоял некрещеный казах Ибраим, неспособный для переводческих работ и весной 1886 г. вовсе покинувший миссионерскую службу. Однако по неизвестным причинам назначить Спиридонова учителем в Киргизское отделение АДМ не удалось. Тогда Алтайская миссия сама начала готовить миссионеров для своего нового отделения. В 1887 г. архимандрит Макарий писал Н.И.Ильминскому: «Алтайцы могут отлично читать киргизские книги и приучаются говорить с новокрещеными киргизами. Летом хотим послать их в Киргизскую степь для ознакомления с разговорным языком. В том же году в Бийске была открыта частная типография с некоторыми пособиями от Миссии, снабженная алтайскими шрифтами...».

Говоря о проповеди Православия в Киргизских степях, нужно особо сказать о письмоводителях. Миссионеры высказывали пожелание, что письмоводитель должен быть не только канцелярским работником, он должен развивать и поддерживать в местных жителях веру в благонамеренность и полезность мероприятий русского начальства, в искренность забот о них, при случае он также мог бы сообщать им о Христе и о вере Христовой. Но найти таких письмоводителей было трудно. Большинство из них было чуждо таких идей и желаний, у них даже не было в наличии ни одной русской книги. Об исполнении христианских обязанностей, хотя бы к тому не было никаких препятствий, редко кто помышлял¹. Кроме русских, должность письмоводителя занимали и казахи, хотя в значительном меньшинстве.

Среди письмоводителей особо выделялся некто **Устюжанин**. Он состоял письмоводителем в киргизских волостях около 20 лет, знал казахский язык и мусульманскую грамоту. Нравственно-бытовая жизнь казахов и юридические обычаи их также были хорошо ему известны. Кроме того, Устюжанин к своим обязанностям относился неформально. Он старался, чтобы распоряжения начальства были в воз-

¹ Томские Епархиальные Ведомости. 1890. № 11. Неофиц. отдел. С. 6–9.

возможной мере исполнены, чего не так легко было достигнуть среди народа, еще не сознававшего за собой обязанности исполнять чьи-либо требования. И все его разъяснения проникнуты были искренней благожелательностью.

Среди казахов Устюжанин пользовался большим доверием. Они, например, нередко предлагали ему решать их тяжбы, однако Устюжанин, не имея на это юридического права, от предложений отказывался.

Беседуя с киргизами о христианской вере, Устюжанин указывал на проповедь миссионера как на единственное средство привлечения к Православию и в доказательство совершенно свободного принятия казахами христианской веры приводил примеры того, как сами казахи приезжали в Буконь и просили у миссионера крещения. Кроме того, Устюжанин рассказывал казахам о достоинствах христианской веры и при случае читал им данную ему миссионерами книгу на казахском языке о православной вере, к тому же и сам он достаточно был знаком с христианским вероучением и Священной историей¹.

25 июля 1892 года в Киргизское отделение Миссии прибыл священник **Ефрем Елисеев**. Живя в восточной части европейской России, он был достаточно знаком с верованиями и обычаями разноплеменных инородцев (чувашей, остяков и др.)².

В 1893 г. в результате деятельности Киргизского отделения Миссии увеличилось число новообращенных среди буконцев, составивших паству миссионера и осознававших необходимость содействовать ему в распространении веры Христовой среди казахов и так называемых «джатаков»³.

Вести беседу о христианской вере миссионеру приходилось большей частью среди женщин, почти всегда находящихся дома. Беседуя с ними о непонятной для них молитве, которую они произносят на арабском языке, миссионер прочел им молитву на родном их языке и, к удивлению, увидел, что в словах «*долги наша*», переведенных на казахский буквально, некоторые казашки сразу угадывали их духовный смысл.

¹ Томские Епархиальные Ведомости. 1890. № 11. Неофиц. отдел. С. 6–20.

² Из записок миссионера Буконского стана Киргизской миссии священника Ефрема Елисеева за 1892 г. // Томские Епархиальные Ведомости. 1983.

³ Казахи, нанимавшиеся работниками к русским и жившие с ними долгое время.

Забываясь о духовном воспитании новокрещеных, миссионер немало заботился и об их материальном благосостоянии, ибо все новокрещеные были бедняками, но с усердием относившимися к труду и всегда охотно трудившимися на пользу Миссии.

К сожалению, ожидания миссионера видеть в своих духовных питомцах хорошие плоды не всегда оправдывались. Печальное это явление миссионер объяснял двумя причинами: недостаточным восприятием новокрещеными веры Христовой из-за поспешного крещения и отсутствием привычки к оседлой жизни.

Архимандрит Сергей (Петров) был помощником начальника Киргизской миссии с 1892 по 1899 г. Этот человек оставил о себе добрую память в Семипалатинске. Родился он 30 января 1864 г. в станице Аксайской Донской области. Благодаря примеру благочестивых родителей с ранних лет он с уважением относился к священническому служению. Оно казалось ему самым желанным. С таким настроением он поступил в Донскую Духовную Семинарию, которую окончил в 1886 году.

В Томск приезжали сотрудники Алтайской миссии. Сергей Петров в это время проживал у своего дяди, епископа Томского Владимира (Петрова). Своими рассказами миссионеры заронили в его душе желание и самому потрудиться в деле просвещения жителей Алтая. Тогда же появилась мысль о монашестве. Из Томска он переехал в Москву, где поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, курс которого окончил в 1890 г. Он решил всю свою жизнь посвятить служению Богу. С этой целью в 1890 г. он прослушал несколько лекций на миссионерских курсах при Казанской Духовной Академии, затем поступил сотрудником в Алтайскую миссию. В 1892 г. был пострижен в монашество, 7 ноября того же года рукоположен во иеромонаха и назначен в Киргизское отделение АДМ.

Николай Иванович Ильминский — человек, который своими неустанными трудами и влиянием определил пути развития педагогической мысли и образования на территории Поволжья, Западной Сибири, Казахстана и Алтая.

Н. И. Ильминский был сыном протоиерея Иоанна Ильминского. Родился в г. Пензе 23 апреля 1822 года. Получил духовное образование: сначала учился в духовном училище, затем — в семинарии, в 1842 году как лучший ученик семинарии был направлен в Казанскую Духовную Академию, которую окончил в 1846 году магистром и был назначен преподавателем татарского и арабского языков в этой же

академии. Н. И. Ильминский блистательно владел латинским, греческим, еврейским, арабским, немецким, французским языками, с 1845 года изучает татарский литературный и разговорный язык, за 1846 год освоил еще ряд языков народов Среднего Поволжья, а в 1850-е годы в совершенстве овладевает и казахским языком.

Особое значение для просвещения казахов имела встреча и последующая многолетняя дружба Н. И. Ильминского и будущего казахского просветителя **Ибрая Алтынсарина**¹.

Встреча эта состоялась в 1858 году в Оренбурге, куда Ильминский вынужден был перевестись из Казанской Духовной Академии. Здесь они работали в Оренбургской пограничной комиссии переводчиками под руководством талантливого ориенталиста В. В. Григорьева, председателя комиссии. Их объединяла любовь к слову, интерес к языкам. Дружба эта оставила неизгладимый след в истории содружества русского и казахского народов.

В этот период дело просвещения казахов находилось под сильным влиянием бытовавшего тогда направления: под эгидой Оренбургской пограничной комиссии для казахских детей открывались казахско-русские школы с обучением на татарском языке. Нужно отметить, что вообще вся система управления Степным краем была устроена таким образом, что делопроизводство, судебные бумаги, официальные письма и прошения велись и принимались только на татарском языке, чиновники и толмачи (переводчики) были все из татар

Н. И. Ильминский (1822–1891).
Фото конца XIX в.

¹ Ибрай Алтынсарин (1841–1889) — видный представитель казахского просвещения, педагог, общественный деятель в области школьного образования. В числе его заслуг — открытие первой народной школы (1864), выпуск хрестоматии на казахском языке. Он мечтал о том времени, когда «молодое поколение киргизов будет смотреть на язык и русскую грамоту как на единственный язык культуры и знаний, пристрастится к ним и будет развиваться в русском более или менее духе».

или из тех, кто образован по-татарски, таким образом, татарский язык был единственным посредником между степняком-казахом и русским чиновником.

Н. И. Ильминский, верный своим принципам — сначала изучить повседневный язык народа, а уже затем заниматься его просвещением, — в короткий срок осваивает казахский язык, много ездит верхом по аулам, записывает фольклор, эпос казахов (ему принадлежит запись русскими буквами на казахском языке самого красивого, выразительного варианта эпоса «Ер-Таргын»), составляет казахско-русский словарь и все это время активно (по его воспоминаниям, до 5—6 часов в день) общается с новым своим другом И. Алтынсариним. Ильминский сразу замечает в Алтынсарине склонность к образовательной, педагогической работе. Под его влиянием Ибрай Алтынсарин становится учителем в Тургайской школе.

В период пребывания в Оренбурге Н. И. Ильминский создает «Самоучитель русской грамоты для киргизов», издает напечатанный русскими буквами словарь киргизского языка, «Материалы к изучению киргизского наречия» с предисловием. Эти книги становятся учебниками для Алтынсарина, который трудился на ниве просвещения родного народа со всем самоотвержением: создавал учебные пособия, готовил учителей, открывал новые школы для мальчиков, первую школу для девочек; его знаменитая «Киргизская хрестоматия» и русско-казахская грамматика («Начальное обучение киргизов русскому языку») становятся учебными пособиями не только для школ Букеевской орды, Уральской и Тургайской областей, но и для школ всего Туркестанского края, Западной Сибири.

В марте 1884 года в газете «Оренбургский листок» появляется статья «О значении Алтынсарина для киргизов в литературном отношении» под коллективным авторством казахов Тургайской области, где, в частности, говорится: «Вот уже конец XIX века, и мы видим плоды полуторавекового труда и забот России о нас, киргизах. Уже начинает развиваться литературное движение в киргизском народе, служащее рычагом для его будущего прогресса, <...> за что и благодарим мы Россию, а также и Абулхаир-хана». Что касается заслуг И. Алтынсарина для казахов, то они сравниваются в статье со значимостью трудов Ломоносова для России: «Он не только Ломоносов для нас, но и первый апостол киргизского просвещения», — говорилось в статье.

Большое значение в проповеди Православия коренным жителям Алтая архимандрит Макарий (Глухарев) придавал участию в ней женщин. Так, в 1833 году он писал в г. Тобольск одной благочестивой особе (Е. Ф. Н-ной), приглашая ее к сотрудничеству в Алтайской миссии: «Судите сами, могу ли я так свободно миссионерствовать между новокрещеными девицами, вдовами и замужними женщинами, как это Вам возможно. Кроме того, некому учить грамоте и рукоделию девочек, за больными ходить, родильницам помогать, прививать оспу детям: сии и другие различные службы входили бы в круг прекрасной деятельности Вашей. Важнейшая нужда Миссии не в ризнице, не в денежной милостыне, но в учительнице, которая могла бы благодатью Божией сделаться матерью для девочек новокрещеных и вообще распространять Царствие Божие между женщинами, а через них и вообще в народ»¹.

Особенно важным он считал воспитание в Православии молодых девушек, будущих матерей, которые должны в дальнейшем вести за собой семью. Для этой цели он планировал основание женских обществ, или сестричеств, в которых школьное образование соединялось бы с подготовкой помощниц миссионеров. Эта идея осуществлялась в Улале Софией де Вальмон, француженкой, принадлежавшей к высшему образованному обществу, перешедшей в Православие.

В Киргизском отделении АДМ одной из тех, кто положил начало благовествованию среди степняков-казахов, была **монахиня Манефа (Мария Косминична Кабанова)**. Она была, возможно, одной из первых женщин-казашек, потрудившихся, подражая святым равноапостольным женам, на поприще самоотверженного миссионерского служения.

Родилась монахиня Манефа в 1831 году в среде киргизов Зауральской стороны. До крещения носила имя Кармыза и от природы была женщиной умной, энергичной и предприимчивой. Мало сохранилось сведений о первых годах ее жизни. Известно, что она была выдана замуж за человека грубого и жесткого, который своим суровым обхождением делал ее жизнь невыносимой. Почти ежедневно у них происходили ссоры, которые обычно заканчивались тем, что жена убегала в Январцевский форпост и скрывалась там, пока муж не являлся за ней с казахскими старшинами и не водворял ее снова в аул.

¹ Королева В. Из истории женского миссионерства в Казахстане // Свет Православия в Казахстане. 2004. № 5. С. 38.

Такая безотрадная жизнь, в которой она не видела никакого смысла и не находила утешения для своей души, наводила Кармызу на мысль разойтись с мужем, порвать все связи с магометанством и принять веру христианскую, о которой в то время она еще не имела ясного представления.

Во время частых своих побегов от мужа на Январцевский форпост Кармыза сблизилась с казачкой Марией Тушкановой, которой и открыла свое намерение стать христианкой. Мария начала знакомить Кармызу с основами христианского учения, истины которого, и особенно его нравственные нормы, глубоко запали в душу молодой казашки и усилили желание как можно скорее стать христианкой. Однако прошло два года, прежде чем ее желание исполнилось. За эти годы Кармыза испытала много горя и скорбей, так как муж старался удержать ее в исламе. Не один раз он в сопровождении сородичей врывается в дом Тушкановой, где находилась Кармыза, и, прибегая к угрозам, долго уговаривал жену не наносить позора ни ему, ни его роду изменой отеческой вере. Но Кармыза оставалась непреклонной в своем решении.

Наконец, по совету некоторых расположенных к ней лиц, она тайно ушла из Январцевского форпоста в г. Уральск и здесь 13 февраля 1859 года в возрасте 28 лет приняла Святое Крещение в Успенско-Богородицкой церкви и была наречена Марией Косминичной Кабановой (по крестному отцу).

Поселившись после крещения в Уральской градской богадельне, Мария Кабанова вскоре совершила паломничество в Москву, в Киев для поклонения нетленным мощам святых угодников Божиих. После возвращения из путешествия Мария начинает миссионерскую деятельность среди киргизов. Глубоко убежденная в истинности принятой ею веры, в кругу своих родственников она объясняет суть христианского учения. Она склоняет к принятию Православия свою сестру, которую тайно уводит из аула в г. Уральск, где та принимает Святое Крещение.

Не имея ни образования, ни постоянного духовного наставника, но возгоревшись любовью ко Господу и руководствуясь Его евангельскими заповедями, Мария Косминична, как одна из древних жен-мироносиц, ходила по степным аулам с проповедью о воплотившемся, распятом и воскресшем Господе¹. В период с 1859 по 1865 год Мари-

¹ Там же.

ей Косминичной было обращено ко Христу 24 ее соплеменника. О ее миссионерской деятельности был слышан Преосвященный Варлаам, епископ Оренбургский, который сообщил об этом Святейшему Синоду и просил Синод преподать Кабановой Марии благословение «в поощрение и подкрепление ее на святом поприще к дальнейшим подвигам». Ходатайство Преосвященного Варлаама было удовлетворено, и 11 октября 1865 года Марии было преподано благословение Святейшего Синода с выдачей установленной грамоты. Вслед за тем обер-прокурор граф Д.А. Толстой сообщил епископу Варлааму, что по доведении до сведения Государыни Императрицы о благоуспешной деятельности Марии Кабановой Ее Величеству благоугодно было повелеть выслать ей икону Казанской Божией Матери в серебряной ризе, которая и была передана Марии Косминичне через благочинного — священника Корина. Эти особые знаки внимания побудили Марию Косминичну к еще более ревностным миссионерским трудам.

Много времени она проводила в путешествии по киргизским аулам, проповедуя о Христе. Особенно оживленно и плодотворно проходили летние месяцы, когда киргизы из степей кочевали к Уральску. В форме простой и безыскусной беседы она открывала главные истины христианского учения, рассказывала о благочестивом укладе жизни христианина. Наиболее сильное впечатление проповедь Марии Косминичны производила на молодежь, и наибольшее число крестившихся были молодыми людьми.

Мария брала на себя многие заботы, помогая казахам в их духовном становлении. Так, казахи, пожелавшие принять крещение, приходя для этого в Уральск, направлялись прямо к ней на квартиру. Мария Косминична давала им приют и вместе с тем готовила их к принятию таинства. Для того чтобы глубже познакомить человека с основами православной веры, она приводила его для беседы к кому-либо из священников г. Уральска, сама же в беседе выполняла роль переводчицы. Она ходила с готовящимися ко крещению в церковь на богослужения и объясняла молитвы, переводя их на родной язык. Также и само совершение таинства крещения происходило при ее участии в качестве переводчицы. После крещения Мария Косминична обычно оставляла новопросвещенного при себе и старалась помочь ему найти какую-либо работу в городе, которая давала бы средства к существованию и устройству нового быта. И почти всегда ей это удавалось.

Особой заботой она окружала обращенных в Православие казахских девушек, которых старалась выдать замуж за новокрещенных ка-

захских юношей и тем самым создать православную семью — домашнюю церковь. Здесь она на первых порах помогала молодым и материально, хотя личные доходы, которые Мария Косминична получала на поденной работе, были очень скудны, а пожертвования от некоторых уральских благотворителей были незначительными. Это побудило ее предпринять поездку в Санкт-Петербург к Императрице Марии Александровне и в прошении к ней изложить все свои затруднительные обстоятельства. В нем она писала: «12 лет как я приняла православную веру (из киргизов Зауральской орды), поняла Закон Божий и пожелала вывести из заблуждения бывших моих одноверцев. При посещении их я передавала им русскую православную веру, чем нашла многих последователей, которых крестилось уже 50 человек. Новокрещенные называют меня матерью, так как я руководительница их при крещении и после (священник не знает киргизского языка, он читает молитвы, а я им передаю). Но в настоящее время эти новокрещенные, не зная русского языка, не могут снискать для себя ни убежища, ни дневного пропитания. Из числа их, хотя некоторые и определены в богадельные и другие места, но 10 женщин не имеют совершенно никакого приюта. Между тем соседние киргизы, видя это бедствие, смеются над ними и смущают оставить православную веру. Поэтому я осмеливаюсь повергнуть мою всеподданнейшую просьбу на Всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Величества — просить Высочайшей милости для бедствующих новокрещенных киргизов».

В марте 1870 года Императрица удостоила Марию Косминичну приема, пожаловала ей лично от себя некоторую сумму денег и в то же время соизволила через своего секретаря П.А.Морица поручить ее попечению Православного Миссионерского Общества, о чем председатель Общества митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) был уведомлен отношением от 24 марта 1870 года за № 530. Вскоре, 6 апреля того же года, прибыла в Москву и сама Мария Косминична.

Со вниманием и заботливостью отнесся Совет Православного Миссионерского Общества к положению Марии Косминичны и со своей стороны принял все меры к тому, чтобы создать более благоприятные условия для ее миссионерского служения. Так как первая и главная нужда состояла в приобретении для нее небольшого дома в Уральске или же найме удобной квартиры, где могли бы находиться ищущие Святого Крещения казахи, то на наем квартиры Советом было назначено ежегодное вполне достаточное денежное пособие. Кроме того, поручив Марию Косминичну покровительству протоиерея А.Добровидова и священника Л.Поспелова, служащих в Уральском

Александро-Невском соборе, Совет имел намерение приобрести в Уральске дом, в котором могла бы проживать она и призваемые ею казахи.хлопоты продолжались несколько лет, и наконец подходящий дом в Уральске был найден. Нашелся также благотворитель, который изъявил желание внести 1000 рублей на покупку дома. Но пока готовились документы, дом сгорел, а другого дома, который можно было бы приобрести вместо сгоревшего, в г. Уральске не нашлось.

Так, преодолевая скорби и опасности, шла Мария Косминична по избранному ею пути. За 30 лет, которые провела Мария Косминична на миссионерском служении, она обратила в христианство более 200 человек, преимущественно своих единоплеменников. Велика была ее вера, сила ее христианской любви, освещавшая и вдохновлявшая эту женщину в продолжение всей ее деятельности. Она не жалела своих средств, не дорожила своим здоровьем, не искала себе покоя, находя великую радость и смысл своей жизни в просвещении и обращении ко Христу близких по крови людей. К ее служению вполне применимы слова основателя Алтайской Духовной Миссии архимандрита Макария (Глухарева): «Верные, составляющие Российскую Церковь, одни угождают Богу в благословенном супружестве, а другие приносят Ему девство и вдовство в благоприятную жертву... Во всех сих разрядах Церковь имеет силы, благопотребные для составления миссий. Все эти силы должны действовать вкупе, по единому побуждению Духа Христова, во славу Божию, к соединению Церкви и ко благу всего человечества. <...> Благопотребны для Церкви посвятившие себя Господу вдовы и девы... Не говоря о многих женщинах, которым Спаситель не воспретил ходить за Ним и служить Ему, из которых некоторые удостоились быть первыми благовестницами Воскресения Его, мы читаем, что Господь обещал излить в наши дни Дух Свой на всякую плоть, *на рабов Своих и на рабынь Своих* (Деян. 2, 18). Мы видим в Церкви древних времен диаконисс, которые разделяли с пастырями и учителями бремя Христово, наставляли между верными и оглашенными женщин, помогали больным из них, посещали исповедниц и мучениц в темницах, исполняли и другие дела, приличием усвоенные полу их»¹.

В последние годы своей жизни Мария Косминична часто болела и ее миссионерская деятельность не была уже столь энергичной, как

¹ Свет Христов просвещает всех! Сборник / Сост., вступит. статья и примечания протоиерея Бориса Пивоварова. – Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2000. С. 175–176.

прежде. Смелые, неустрашимые путешествия ее по казахским аулам с проповедью о Христе она вынуждена была прекратить. Но, ослабев телесно, она по-прежнему горела духом и была намерена исполнить свое давнее желание — принять монашество и умереть монахиней. Это желание исполнилось. Уже тяжело больная, Мария Косминична была отправлена в Покровский женский монастырь г. Уральска и 10 сентября 1890 г. была пострижена в монашество с именем Манефа. 22 октября 1890 года в Уральском женском монастыре в возрасте 59 лет она мирно окончила дни своего земного бытия¹.

Учреждение самостоятельной Киргизской Духовной Миссии

С 1894 г. в жизни Киргизской миссии наметились большие перемены: «В начале отчетного года епархиальным и миссионерским начальством был возбужден вопрос об образовании самостоятельной Киргизской миссии путем отделения ее от Алтайской. Вопрос этот возник еще в 1892 году»².

Представители администрации г. Семипалатинска, весьма сочувственно относящиеся к делу Миссии, выражали пожелание, чтобы, «во-первых, Киргизская миссия сделана была самостоятельной, во-вторых, чтобы центральный (главный) стан был основан или в самом г. Семипалатинске, или в находящейся за Иртышом его части, в так называемой Заречной слободке. Действительно, Семипалатинская Заречная слободка по своему географическому положению может быть центральным пунктом, так как находится приблизительно на равном расстоянии как от существующих уже станов Томской епархии, так и от предполагаемых к открытию в пределах будущей Омской епархии. Кроме того, Семипалатинск представляет главный административный и торговый центр края, куда во множестве съезжаются киргизы со всех концов обширной степи. В Заречной слободке насчитывается до трех тысяч оседло живущих киргизов, не считая татар и сартов (узбеков), так что одна слободка представляет собою обширную ниву для миссионерского делания. Во время осеннего и весеннего ледохода, когда с городом прекращается всякое сообщение, население слободки удваивается и утраивается вследствие громадного приезда сюда киргизов со всевозможными нуждами. Таким образом, Заречная

¹ Православный Благовестник. 1893. № 17. С. 3–11.

² Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1894 год // Томские Епархиальные Ведомости. 1895.

слободка счастливо соединяет в себе все условия, необходимые для образования миссионерского стана»¹.

Ранее открытые миссионерские станы (Буконский, Большена-рымский и др.) были сосредоточены преимущественно в пределах Семипалатинской области, и так как по миссионерским делам миссионерам постоянно приходилось входить в сношения с местной администрацией, то главный стан Киргизской миссии решено было учредить в непосредственной близости от Семипалатинска — в Заречной слободе. Формально Киргизская миссия еще не пользовалась самостоятельностью и находилась в ведении епископа Бийского. Большинство населения Заречной слободы составляли казахи, переставшие кочевать и занявшиеся торговлей, а также татары и «ташкенцы» (узбеки). Население слободы быстро росло: по данным за 1879 год оно составляло 2749 человек, из которых 2702 человека были мусульманского вероисповедания, а 47 — православного.

В 1894 году было решено приступить к строительству в Заречной слободе комплекса зданий для центрального стана Киргизской миссии: «Летом текущего года, когда на месте постройки церкви было сложено бутового камня на пространстве 352 квадратных сажень, когда выстроен амбар для ссыпки извести, когда построена изба и поселился сторож для охранения строительных материалов, когда сделаны другие подготовительные работы, тогда уверенность в построении церкви сделалась всеобщей и со всех сторон стали заявлять требования на места. К осени кварталы вокруг церковного места были уже все заняты. Спрос на места и теперь продолжается»².

Местное население не препятствовало строительству Киргизской миссии. Как отмечалось в прессе того времени, «вопросом об основании в Семипалатинской Заречной слободе заинтересована не одна миссия. И в обществе, и в народе дело это пользуется всеобщим, самым живым сочувствием и, если позволительно так выразиться, популярностью... Живое доказательство тому: 300 человек киргизов целое лето работали на церковь, занимаясь ломкой и доставкой бутового камня»³. Строительство православных храмов на Руси издавна считалось делом богоугодным. Обычно церкви строились на народные деньги и пожертвования частных лиц. Не было исключением и строительство церкви в Заречной слободе. «Опасаясь обременять

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

К. П. Победоносцев (1827–1907).
Фото XIX в.

кассу Православного Миссионерского Общества крупным расходом на постройку Слободской церкви, предварительно решено было обратиться за помощью к частным благотворителям. Первым благоизволил откликнуться на это доброе дело высокий покровитель Миссии обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, изъявивший готовность в письме на имя Преосвященного Макария пожертвовать на это святое дело до 3000 руб. Затем от Семипалатинского Знаменского собора поступило 2000 руб. Но самое крупное пожертвование, сразу обеспечивающее успех дела, поступило от потомствен-

ного почетного гражданина томского первой гильдии купца И. Г. Гадалова, который пожертвовал на это дело 12000 рублей, затем внес 100 рублей на приобретение иконы святого Иоанна Милостивого. Кроме того, поступили пожертвования от следующих лиц: Д. Х. Иванова — 1000 руб., А. Е. Кухтерина — 500 руб., процентов с капитала, завещанного братьями Стахеевыми, — 400 руб. По 100 руб. поступило от следующих лиц: Д. Г. Малышева, И. М. Плотникова, Ив. М. Иваницкого, Е. А. Жернакова и казанского архиепископа Владимира. Других менее крупных пожертвований, и от лиц, пожелавших остаться неизвестными, поступило всего около 1000 руб. Всего, с обещанными, капитал на построение слободской церкви превышает двадцать тысяч рублей»¹.

31 января 1895 года определением Святейшего Синода за № 378 Киргизская миссия обрела самостоятельность. Став самостоятельной, Киргизская миссия поступила в ведение Омского епископа. Первым

¹ Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1894 год // Томские Епархиальные Ведомости. 1895.

начальником новой Миссии был назначен архимандрит Сергей (Петров).

Деятельность священников-миссионеров состояла прежде всего в непрестанных миссионерских путешествиях по аулам с проповедью Евангелия на казахском языке, строительстве храмов Киргизской миссии, устройении миссионерских школ для детей новокрещенных.

Несмотря на то, что была собрана достаточно крупная сумма денег, их все равно не хватало на то, чтобы построить большой собор и дом начальника Киргизской миссии. Тогда, по совету известного мецената П. В. Михайлова, при доме для начальника Миссии устроена была небольшая домовая церковь. При этом П. В. Михайлов обещал, в память Императора Александра III, пожертвовать в домовую церковь иконостас, иконы и церковную утварь, всего на сумму 3000 руб. Дом с домовою церковью предполагалось построить летом 1895 г., а через год можно было поселиться в новом доме, освятить церковь и начать богослужение¹.

Наконец 12 июня 1895 г. была совершена в Заречной слободке Семипалатинска закладка миссионерской церкви в честь Благовещения Пресвятой Богородицы с приделами во имя святого благоверного князя Владимира и святого великомученика Пантелеимона, а также дома для начальника Киргизской миссии с домовою церковью во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

Во время строительства не было отмечено никаких протестов со стороны местного мусульманского населения, напротив, известно, что строительные работы производили местные мусульмане. Подвозом дров для кирпичных сараев и извести занимались казахи, на каменоломне ежедневно работало более 200 человек казахов, кладкой стен церкви и дома занимались татары.

Службы в храмах Киргизской миссии велись на казахском языке, поскольку существовал указ Святейшего Синода от 15 января 1883 года, предписывавший повсеместно совершать богослужения для неславянского населения на их родном языке, но в нем было и одно характерное ограничение: «Во всяком случае, крещенные инородцы должны смотреть на свои священные и богослужебные переводы собственно как на пособие к уразумению церковнославянского текста, который должен служить для них основным и нормальным церковным и бого-

¹ Киргизская миссия и важнейшие в ней события в 1895 году // Православный Благовестник. 1896. №№ 9–11. (Оттиск.)

служебным текстом». В Киргизской миссии уже имелись переводы на казахский язык Нового Завета, житий святых, утренних и вечерних молитв, различных богослужебных песнопений. В 1888 году из Алтайской миссии был прислан текст Литургии на казахском языке.

Перенимался опыт Алтайской миссии по созданию мужских и женских монастырей, которые принимали новокрещеных послушников и послушниц и приучали их к христианской вере.

Киргизская миссия просуществовала до советской власти и была закрыта в 1920 году. В 1921 году имущество бывшей Киргизской миссии было передано семипалатинской Благовещенской церкви¹. Но группа православных казахов оставалась в Семипалатинской области вплоть до 1950—1960-х гг. В это время в единственной действующей церкви в г. Семипалатинске служил воспитанник Киргизской миссии отец Симеон (фамилия неизвестна), по национальности казах.

Благодатные явления миссионерской деятельности в Киргизской Духовной Миссии

Несмотря на препятствия, которые пришлось преодолевать Киргизской миссии, Богу было угодно насадить виноградник Христов среди Киргизских степей. Отец Филарет в своих миссионерских записках упоминает о некоторых замечательных случаях принятия казахами Православия.

«Крещение одного из язычников, именно Яшки Епрышева (в крещении Пантелеимона), замечательно по очевидности доказательства бессилия человеческого без помощи благодати Божией в деле приведения язычников ко Христу, с одной стороны, и могущественной силы Божией, с другой.

Епрышев жил в селении Ильинском (на Алтае) много лет. Хотя он до 1881 года и был язычником, но никогда и ни в чем не выражал своего языческого суеверия. Напротив, будучи совершенно одиноким и не имея сообщества языческого, Епрышев узнал от ильинцев кое-что из жизни Спасителя, некоторые краткие молитвы, заходил иногда в церковь и давал деньги на свечи. Кроме того, характер и образ жизни Епрышева всегда вызывали одно лишь одобрение: он был честен, добр, трезв, кроток. А потому ильинцы не имели повода удалить его из своего общества, к которому он привык, как к родной семье. Много раз предместники мои и я уговаривали Епрышева креститься, и сельчане

¹ Государственный архив Семипалатинской области. Р—73. Оп. 1. Д. 66. Л. 35об.

пытались склонить его к принятию Святого Крещения, но все наши многолетние наставления и убеждения были напрасны. „Знаю и верю, что спасти свою душу можно только в вере православной, которую содержат ильинцы. Не раз я думал быть крещеным, но лишь только подумаю о крещении, как что-то начинает меня удерживать, а что — и сам не знаю“. Такие ответы часто слышали от Епрышева.

Но вот в горы Алтайские приносится икона святого великомученика Пантелеимона с частицей его целебных мощей. Слышит о сем и Епрышев, бежит и он вместе с ильинцами в соседнюю деревню для встречи святого образа, кланяется ему, подает денежное пожертвование, покупает свечи, провожает всюду по селению Ильинскому и через два дня, проводив святой образ, приезжает ко мне в Буконь, падает в ноги и говорит: „Крестите меня, батюшка, теперь я уже не могу быть некрещеным... Как прежде меня что-то удерживало от крещения, так теперь какая-то сила толкает меня ко крещению. Я думаю, что святой Пантелей заставляет меня креститься, а потому прошу Вас, дайте мне имя Пантелея“.

К несказанной общей нашей радости Епрышев, после должного приготовления, был крещен с именем Пантелеимон. *„Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его...“* (Ин. 6, 44).

В числе принявших крещение в 1886 году особое внимание обращает одна степнячка-киргизка Шарипа по тем препятствиям, которые пришлось испытать ей, прежде чем она приняла крещение.

Живя в глубине степи, не видев русских людей, Шарипа слышит, что в „Жуаек-Дуан“¹ некоторые киргизы крестятся, принимая неведомую ей веру. Сначала у нее возникает недоуменный вопрос: что это за вера, которую принимают некоторые ее единоплеменники? Этого вопроса никто не мог разрешить из ее родных. Чем больше думала Шарипа о неведомой ей вере, тем более усиливалось у нее безотчетное желание принять эту веру.

И в одну ночь она оставляет свой аул и, не зная направления своего пути, идет куда глаза глядят. Слышав, что Буконь находится возле Кокпекты, где служит работником ее брат, она заходит в юрту, спрашивает дорогу в Кокпекты, и на вопрос „Куда и зачем она идет“ Шарипа отвечает: „Повидаться с братом“. Боясь, чтобы ее не догна-

¹ Т.е. в «новой деревне» (так казахи называли Буконь).

ли, она шла степью без дороги, избегая возможной встречи со своими знакомыми.

Однажды в сумерках она встретилась с несколькими волками. Страх овладел всем ее существом, она остановилась в трепетном ожидании неминуемой смерти. Остановились и волки... Что делать? Опасность быть растерзанной волками — перед глазами. В эту минуту ей является такая ободрительная мысль: „Если вера, ради которой я теперь иду, угодна Богу, то Бог не допустит погибнуть мне“. Прошло несколько мучительных минут борьбы жизни со страхом смерти, и волки, развернувшись, отправились в сторону, вглубь степи. С радостью о спасении от опасности и утешительной мыслью об угодности Богу ее желания Шарипа ускорила свои шаги и на четвертый день прибыла в Буконь.

Принятие христианства, по благодати Божией, производит на киргизов такое глубокое воздействие, что некоторые из них делаются образцовыми христианами в жизни и при смерти. Бывало немало случаев замечательной мирной христианской кончины новокрещеных киргизов. Таковым был, например, умерший киргиз Георгий. Он тяжело болел параличом нервов, к этому добавился паралич ног. Больной лежал в постели полгода и заживо разлагался, так как на теле его от сильных пролежней образовались большие язвы. И что же? Безропотное терпение в страданиях, чистосердечное признание и таковое же со слезами сожаление о своей греховности, твердая вера в Иисуса Христа и душевная жажда скорее соединиться с Ним — вот таково было душевное состояние больного до последних минут жизни.

Георгий попросил меня написать ему духовное завещание, в котором, между прочим, просил прибавить, что он умирает с твердой верой во „Христа и надеждою на Его милосердие“»¹.

Хотя и не особенно благоприятными были обстоятельства существования Киргизской миссии, все же дело было начато и начато довольно успешно. И духовной, и светской властью было обращено серьезное внимание на миссию среди киргизов и ее нужды. Находившийся на должности главного начальника Степного края Герасим Алексеевич Қолпаковский писал по этому поводу в 1887 году Его Императорскому Величеству, приводя довольно интересные наблюдения и рассуждения: «Под влиянием временного положения об управлении степными областями, введенного в 1869 году, древние основы быта

¹ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 8.

киргизов подверглись значительной ломке. В основу административного деления народа на волости положено территориальное начало взамен родового, и выборному началу при назначении на должности волостных управителей дано предпочтение перед существовавшим до того главенством аристократических фамилий. Эти новые начала... существенно изменили нравы и обычаи киргизов, причем весьма многое из самых основ нравственно-бытового мира этого народа оказалось неприменимыми более в современном строе жизни.

При таких условиях, когда старые нравственные устои народной жизни расшатаны, а новых еще не создано, естественно, что народ ищет духовной опоры в религии и потому прислушивается к проповеди вероучения Магомета, распространяемой купцами-татарами и бухарцами. Между тем, хотя киргизы и причисляют себя к мусульманам, громадное большинство народа имело до последнего времени весьма слабое понятие о сущности учения Магомета, или, вернее сказать, не имело о нем почти никакого понятия. Религиозный индифферентизм киргизов происходил оттого, что у них был свой, созданный всею историей этого народа, изустный кодекс нравственно-бытовых правил, которыми определялись все общественные и личные права и обязанности человека. Этот кодекс изустных правил имел такое могущественное влияние в среде киргизов, что для учения Магомета не было почти почвы; одним словом, киргизы были индифферентны к исламу потому, что были глубоко преданы нравственно-бытовым правилам, вытекавшим из родового строя народной жизни. Когда родовой строй потерял санкцию закона и в силу этого постепенно был вытеснен из жизни, киргизы начали искать духовной опоры в религии, к которой до того времени были индифферентны. Этим настроением народа пользуются ведущие торговлю в степях купцы из татар и бухарцев, тайно проповедуя вероучение Магомета.

<...> При таких обстоятельствах я пришел к убеждению, что настала пора для Православной Церкви воспользоваться благоприятным моментом и выступить с открытою проповедью Православия там, где идет тайная пропаганда вероучения Магомета. В ряду мер к ассимилированию наших азиатских владений с империей на первом плане должна, по моему убеждению, стоять мера, направленная к достижению духовного сродства».

Имея такие убеждения, Г.А.Колпаковский оказывал отцу Филарету как миссионеру всякое содействие, какое только было в его власти, например: выдавал всем казахам, принявшим Православие, де-

нежное пособие и подарки; приказал отвести вблизи поселка Буконского участок земли в 600 десятин, чтобы новокрещенные могли там поселиться и заняться хлебопашеством (вскоре на этом участке образовалось село Преображенское, которое населяли исключительно новокрещенные казахи); предоставил в распоряжение миссионера несколько землевладельческих орудий для распределения между новокрещеными.

А в переписке между Колпаковским и отцом Филаретом за 1890 год мы находим следующие рассуждения Герасима Алексеевича: «По моему мнению... для успеха миссионерского дела джатаки представляют совершенно подготовленный элемент. Проживая постоянно в русских городах и казачьих станицах, джатаки освоились с русскими: во многих случаях едят с ними из одной чашки и за одним столом, соблюдают русские праздники и даже ходят в церковь. Ввиду такой подготовленности при содействии русских людей, у которых джатаки целыми семьями находятся в услужении, их легко обратить в Православие, и для того миссионерские станы следовало бы приурочить к таким пунктам, где наиболее находятся джатаки.

<...> Но для того чтобы дело обращения киргиз в Православие имело незыблемое основание, надлежит поселить их на казенной земле с достаточным количеством луга, пахотного поля и леса, дать им рабочий скот и земледельческие орудия — тогда все джатаки станут христианами. Православие таким образом протянет руку помощи мусульманам, отверженным их средой. Эти мусульмане, обратясь к христианам, сделаются богаче и цивилизованнее прочих киргизов и со временем образуют такую силу, пред которой сородичи их будут преклоняться, а в таком случае и миссионерскому делу откроется широкое поле для своей деятельности.

К сожалению, много упущено для этого времени. Но и теперь, если распространением проповеди Христовой будут руководить такие энергичные и терпеливые деятели, каким заявили себя Вы, достойнейший пастырь, то результаты миссионерской деятельности окажутся весьма благоприятны».

В своих записках священник Филарет Синьковский самым благодатным годом для Киргизской миссии называет 1888 год, так как, «во-первых, все слушают проповеди во время миссионерских поездок с полным вниманием; во-вторых, крестилось 23 человека (из них одно семейство 5 человек) — это первое явление в Киргизской миссии;

в-третьих, сочувствие православного общества к материальным нуждам Киргизской миссии, которое выражалось в различных пожертвованиях, и в-четвертых, в жизни новокрещеных, конечно не у всех, замечается, что вера христианская своим учением начинает прививаться внутренно.

Даже русские слушали проповеди миссионеров и откровенно признавались, что подобного не слышали.

Миссионер же, слыша сетование на ослабление добрых отношений и развитие пороков среди казахского народа по мере проникновения в их религиозную жизнь ислама, не раз спрашивал себя: что дала мусульманская религия казахскому народу? Здесь будет уместно привести в пример несколько высказываний современников того времени. Вот некоторые из них: старик Килык из Лабинской волости говорил: „...лет 20 назад редко-редко кто молился и кой-какие обряды магометанские исполнял. Грамотных у нас нет, кто будет нас учить?.. Да и то надо сказать: раньше мы хотя и вовсе ничего не знали, но жили спокойнее и лучше“. Мать Актюбе так жаловалась: „...теперь не то: непочитание и непослушание старших, разлад между своими, а чужие же только и норовят обмануть; воровство уже и грехом не почитают; народ стал более и более скотом беднеть — житье стало худшее!“.

Таким образом, совершенно очевидно было крайнее убожество религиозных познаний и откровенное признание казахами своего неведения.

Казахи не только не чуждались миссионера, благовествующего им слова спасения, но и принимали его охотно и почтительно. Пусть в этом приеме выражалось их общее гостеприимство, но степняки, принимая миссионера как гостя, внимательно слушали его беседы. Больше усердие миссионеры замечали у молодых людей.

В жизни Киргизской миссии были отрадные факты, которые свидетельствуют о том, что казахи, живущие у русских, более восприимчивы для принятия христианства. Например, в Усть-Каменогорске были крещены Кушкумбай (из села Глубокого) и Антибай (из села Прапорщиково). Они имели не казахскую внешность и знали русский язык. Кушкумбай, решив принять крещение, узнал, что через село Прапорщиково будет проезжать Преосвященный начальник Миссии, обратился к местному священнику Дагаеву с просьбой скрыть его в амбаре от преследования родных, узнавших о его намерении. Его взяли в Усть-Каменогорск, по дороге к ним присоединился и Антибай.

Эти казахи были крещены с именами Терентий (Кушкумбай) и Иоанн (Антибай). Они родились и жили среди русских.

Примечателен случай, когда Таинство Крещения было принято целым семейством. Девочка двенадцати лет была уже сосватана, за нее частично выплачен калым (выкуп), который родители по нужде израсходовали. Поначалу девочка не хотела креститься, просила, чтобы ее отправили к жениху. Но благодаря молитве родных (уже принявших Святое Крещение), почитанию праздников, хождению в церковь, слушанию вероучительных бесед не прошло и месяца, как девочка сама стала просить мать крестить ее. А между тем жених просил быстрее невесту, уговаривал ласками, обещал выплатить калым, но девочка не согласилась... В конце концов девочку покрестили, дав ей имя Любовь, и она стала учиться в Буконском женском училище. Калым выплатила миссия»¹.

* * *

Православие в Казахстане имеет глубокие корни в религиозном сознании людей, о чем говорят исторические документы, свидетельствующие о православном прошлом народа.

История Киргизской миссии — это часть истории независимой Республики Казахстан, и для нас она тем более важна, что на примере ее истории мы видим тесное бескорыстное братство двух народов: русского и казахского.

История взаимоотношений казахского и русского народов уходит корнями в глубокую древность. Наши предки, общаясь друг с другом в течение многих веков, прекрасно находили общий язык. Россия традиционно являлась государством, в равной мере обращенным на Запад и Восток. Еще со времен Древней Руси контакты восточных славян с кочевыми тюркскими народами имели многогранный характер. Древнерусский человек никогда не воспринимал восточных соседей как людей второго сорта. Пресловутая «борьба леса со степью» — историческая теория о несовместимости и взаимном антагонизме кочевников и земледельцев — в свете новейших достижений науки выглядит как гипотеза, не имеющая реального подтверждения фактами.

История Киргизской миссии уходит корнями в самое начало XIX в. Миссия просуществовала до октябрьского переворота, оставив после себя не только тысячи спасенных душ, но и обширное письменное наследие, практически не изученное до сего дня.

¹ ЦХАФАК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 8.